

5. *Караулов Ю.Н.* Способы существования элементарных единиц знания в обыденном языковом сознании // *Язык и действительность: Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака.* – М.: ЛЕНАНД, 2007. – С. 53-61.
6. *Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. – 3-е изд., стереот. – М.: КомКнига, 2006. – 192 с. (Лингвистическое наследие XX века).
7. *Маслова В.А.* Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. – 2-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
8. *Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с. (Лингвистика и межкультурная коммуникация. Золотая серия).
9. *Потебня А.А.* Мысль и язык. – М.: Лабиринт, 2007. – 256 с.
10. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
11. *Стернин И.А.* Значение и концепт: сходства и различия // *Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: Сб. статей.* Институт языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – С. 135-144.
12. *Сушков И.М., Крюкова Е.И., Голубых И.И.* Культура языкового сознания личности: Монография. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГПУ, 2001. – 310 с.
13. *Уфимцева Н.В.* Методологические проблемы онтогенеза языкового сознания // *Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: Сб. статей.* Институт языкознания РАН. – Калуга: КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. – С. 217-226.
14. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1: Муза – Сят: Ок. 5500 слов / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубочёва. – 4-е изд., стереот. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 588 с.
15. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 4: Муза – Сят: Ок. 5500 слов / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубочёва. – 4-е изд., стереот. – М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. – 863 с.
16. <http://slovari.yandex.ru>.

Статью рекомендовал к опубликованию к.ф.н., доцент А.М. Червоный.

Арнаутова Ольга Алексеевна

Федеральное государственное общеобразовательное учреждение среднего профессионального образования «Донской государственный межрегиональный колледж строительства, экономики и предпринимательства» Таганрогский филиал.

E-mail: arnautovaolga@yandex.ru.

347900, г. Таганрог, ул. Александровская, 47.

Тел.: 88634610872.

Преподаватель.

Arnautova Olga Alexeevna

Federal State-Owned Educational Institution of Average Vocational Training “Don State-Owned Interregional College of Building, Economy and Enterprise” Taganrog affiliate

E-mail: arnautovaolga@yandex.ru.

47, Alexandrovskaya Street, Taganrog, 347900, Russia.

Phone:+78634610872.

Teacher.

УДК 81'44

Л.В. Буренко

**К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В ЯЗЫКАХ
РАЗНЫХ ТИПОВ**

С целью раскрытия картины языкового многообразия анализируются значения и функции родительного падежа в языках разных типов. Интерес автора и других исследователей к данному падежу обусловлен неоднозначностью родительного падежа, в резуль-

тате чего его статус в языках мира непременно оказывается центром дискуссий. Используя типологический и диахронический подходы, автор пересматривает статус родительного падежа в английском языке, в связи с чем в статье уточняется понятие «форма». В статье используются данные кетского языка – последнего живого представителя енисейских языков.

Родительный падеж; притяжательный падеж; генитив; категория падежа; типология; диахрония; падежная форма; падежное значение; кетский язык

L.V. Burenko

TO THE QUESTION OF THE STATUS OF GENITIVE IN THE LANGUAGES OF DIFFERENT TYPES

To show the variety of the language structure all over the world the paper describes the meaning and the functions of the genitive case in different languages. As the genitive case is a very complex and many-sided phenomenon, it is the centre of continuous discussions among the researchers of different languages. The author defines the status of the genitive case in English using typological and diachronic approaches and in this connection specifies the notion of "form". The facts of the Ket language which is the only alive of the Jenisseian languages are used in the article.

Genitive; possessive case; category of case; typology; diachrony; case marking; case meaning; Ket language.

Категория родительного падежа, как грамматическая категория падежа в целом, является предметом постоянных дискуссий. Следует отметить, что данный падеж обнаруживается исследователями не во всех языках мира и даже там, где его выделяют одни ученые, другие отрицают его существование. Напротив, есть языки, в которых этот неоднозначный падеж занимает ключевое положение. Причин для столь резких разногласий существует несколько.

Во-первых, общеизвестно, что грамматическая терминология нередко является условной и что обозначаемые одним и тем же термином категории разных языков далеко не всегда полностью тождественны. Положение это относится и к форме, именуемой «родительный падеж» (или генитив). Основной его функцией является функция притяжания, и, значит, если в языке обнаруживается форма, выражающая данное значение, то она получает название «родительный (или притяжательный) падеж» или «генитив». Однако такой подход, очевидно, кажется некоторым ученым не достаточно объективным и вызывает разногласия.

Во-вторых, известна позиция ряда ученых, считающих, что притяжательное значение, которое выражается отношением между именами, в пределах именной группы, не может быть признано падежным. Падежным значением признается только такое значение, которое выражается отношением между именем и глаголом [1].

В-третьих, в языках флективного типа с богатой морфологией и, в первую очередь, в индоевропейских языках (например, в немецком, русском или латинском языках) падежи выделяются более менее легко, а статус родительного падежа не вызывает сомнения, поскольку он является не только приименным, но и приглагольным. В связи с этим ученые порой универсализируют свойства флективных языков, не принимая во внимание специфику языков отличного от флективных языков строя.

Рассмотрим все эти вопросы более подробно на примерах конкретных языков и, прежде всего, исследуем основные характеристики так называемого родительного падежа.

Термин «родительный» восходит к древнегреческой традиции, где при его помощи указывалось имя отца (родителя). И в настоящее время форма, обозначаемая термином «родительный падеж», служит в первую очередь для характеристики принадлежности в широком смысле слова и выступает чаще всего в роли при-

субстантивного определения. В связи с этим довольно распространенным является еще одно название данного падежа – притяжательный падеж. Так, например, родительный падеж, выражающий, прежде всего, possessивные отношения есть в большинстве германских языков (идиш, английском, датском, немецком, нидерландском, норвежском, фризском, фарерском, шведском) [2].

Однако значение притяжательности и функция присубстантивного определения не являются единственными характеристиками родительного падежа. Генитив – довольно сложный и многофункциональный падеж. Являясь элементом минимальной падежной системы, он противопоставлен всем другим падежам и, вероятно, поэтому обладает максимальной полисемией. Это справедливо, например, для индоевропейских языков, и, в первую очередь, для славянских. Так, в русском языке, помимо родительного определительного, широко распространен приглагольный родительный, употребляемый в отрицательном предложении и в так называемом разделительном (партитивном) значении (например, *не понять человека, ничего не видеть, принести сахара / сахару, натекло воды, много народа / народу*) [3]; в чешском языке помимо родительного атрибутивного также распространен родительный квантитативный, например: *doušek čerstvého vzduchu* ‘глоток свежего воздуха’ [4]; для родительного в словенском языке характерны следующие значения: партитивное: *naliti vina* ‘налить вина’, определительное: *občitek veselja* ‘ощущение веселья’, квалитативное: *fant modrih oči* ‘парень с голубыми глазами’ [5] и т.д.

Следует отметить, что многозначностью отличается не только генитив в индоевропейских языках. Так, в маньчжурском языке выделяется многофункциональный родительный падеж, основной функцией которого является выражение определительных possessивных отношений между двумя именами, например: *ама-и боо* ‘отца дом’, *алин-и ниңгун* ‘горы вершина’, *гуруң-ни доло* ‘дворца внутренность’ (‘внутри дворца’). Среди вторичных его функций отмечается родительный выделительный, например: *у́жу-и у́жу* ‘(из) первых первый’, *н’алма-и энчу* ‘(от) людей отличный, особенный’ и даже родительный инструментальный [6].

Наиболее характерное употребление родительного падежа в самодийских языках заключается в выражении определения по принадлежности, остальные его функции в разных самодийских языках не столь единообразны. В ненецком и селькупском формой, восходящей к существительному в родительном падеже, передается обстоятельственное дополнение, обозначающее время действия. В ненецком языке, кроме того, существительное, оформленное суффиксом родительного падежа, служит для выражения лица, которому что-либо предназначено, и орудия действия. Родительный падеж энецкого языка употребляется в определенных случаях для выражения прямого дополнения [7].

Даже поверхностный анализ категории родительного падежа в языках разного типа показывает следующее: категория родительного падежа далека от единообразия; основной характеристикой, позволяющей падежной форме присвоить название «родительный падеж», является значение притяжательности, а функция, которую данный падеж чаще всего выполняет, является функцией присубстантивного определения.

Как уже было сказано выше, некоторые ученые считают, что значение, выражающее отношение одного имени к другому, не является падежным. А это значит, что родительный падеж, по их мнению, может считаться таковым, только если он является полисемантическим. Поэтому наличие родительного падежа, а иногда падежной системы как таковой в некоторых языках ставится под сомнение.

Падежная система в английском языке, например, является предметом «жарких» лингвистических споров на протяжении многих лет. Согласно традицион-

му взгляду в английском языке выделяют два падежа: общий падеж (Common Case) и притяжательный (родительный) падеж (Possessive Case). Парадигма обычно изображается следующим образом:

	Ед. ч.	Мн. ч.
Общ. п.	<i>the boy</i>	<i>the boys</i>
Притяж. п.	<i>the boy's</i>	<i>the boys'</i>

Основные разногласия связаны с грамматическим статусом формы «существительное + апостроф + -s» (*Ted's book, the chairman's decision*), которая передает значение принадлежности. Согласно так называемой теории притяжательного постпозитива, сторонниками которой являются такие ученые, как Г.Н. Воронцова, А.М. Мухин, то, что традиционно рассматривается как флективная форма родительного падежа, есть сочетание существительного с постпозитивом, означающим принадлежность. Среди аргументов, приводимых в поддержку этой точки зрения, следует отметить, тот факт, что формант -'s может присоединяться не только к словам, но и к единицам больше, чем слово, например к словосочетаниям и даже предложениям, например: *his daughter Mary's arrival* «приезд его дочери Мэри», *the man I saw yesterday's face* «лицо человека, которого я видел вчера». Этот формант может присоединяться не только к существительным, но и к словам других частей речи, например к местоимениям: *somebody else's car* «машина кого-то еще». Кроме того, то же самое значение принадлежности передается в английском языке словосочетаниями с предлогом *of*, например: *this man's daughter – the daughter of this man* «дочь этого мужчины». Сторонники данного подхода приходят к выводу, что -'s больше не является флексией, а представляет собой схожее с частицей постпозитивное слово, следовательно, «существительное + -'s» – это не морфологическая форма существительного, а синтаксическая конструкция, и, следовательно, морфологической категории падежа в английском языке нет. Среди других аргументов, доказывающих отсутствие падежа в английском языке, можно упомянуть следующее: формы родительного падежа существительных во множественном числе практически неотличимы на слух от формы общего падежа и омонимичны формам родительного падежа существительных в единственном числе, ср.: *boy's, boys, boys'*. И, наконец, употребление притяжательной формы ограничено лексически: в этой форме употребляются в основном существительные, обозначающие живые существа: *the girl's voice, the dog's bark* [8].

Все перечисленные аргументы кажутся вполне существенными, но, на наш взгляд, являются не вполне убедительными. Разобраться в данной проблеме помогут диахронический и типологический подходы.

Прежде всего, считаем необходимым уточнить понятие формы, которое взято за основу в нашем исследовании. Уважаемые ученые отмечают, что в английском языке нет морфологической категории падежа и что форма «существительное + -'s» не может рассматриваться как падежная. Дело в том, что «узкоформальный» подход к такой сложной и многоплановой грамматической категории, как категория падежа, не вскрывает ее сути и, главное, является практически бесполезным при типологическом сравнении разноструктурных языков, что необходимо для диахронического исследования данной категории с целью обнаружения ее истоков. В связи с этим под падежной формой следует понимать любое маркирование, позволяющее обнаружить, как то или иное падежное значение выражено у данной лексемы в конкретном языке.

Обратимся к диахронии. Согласно фактам истории английского языка, природа категории падежа подверглась радикальной перестройке, а ее роль в морфологическом оформлении существительного резко снизилась. Категория падежа утратила свое важное функциональное назначение – морфологическое различение

основных актантно-синтаксических позиций существительного, – так как в позициях подлежащего, прямого и косвенного дополнений выступает один и тот же немаркированный общий падеж. Единственный маркированный падеж (родительный) ограничивается приименным употреблением, а его единственным значением стала так называемая притяжательность. Поскольку роль владельца присуща далеко не всем предметам, сузился и лексический охват этого падежа: он типичен только для одушевленных существительных, что имело следствием исключение огромного перечня существительных из сферы действия категории падежа, ранее охватывавшей всю часть речи.

Однако в новоанглийский период наметились некоторые признаки дальнейшей типологической эволюции категории падежа. Стали возможными его употребления у неодушевленных существительных: *the train's driver, the plane's altitude*. Особенно примечательно распространение этого падежа на существительные со значением меры пространства, времени, стоимости: *a mile's distance, a day's wait, a dollar's worth*. Это употребление, в отличие от реликтовых фразеологизмов наподобие *a stone's throw, the water's edge*, появилось недавно и стало продуктивным для лексических группировок, в принципе не закрытых, хотя и немногочисленных по составу. Существенно то, что притяжательное значение уже не может быть признано единственным для этого падежа, как бы широко оно не трактовалось. Таким образом, можно констатировать, что процесс постепенного ограничения синтаксической и лексико-семантической потенции притяжательного падежа закончился, поскольку статус его остается стабильным уже несколько веков, и даже отмечаются свидетельства его экспансии, хотя они еще и довольно немногочисленны.

То же самое касается и оформления рассматриваемого падежа. Когда в результате перестройки три падежа – именительный, дательный и винительный, не имевшие в единственном числе устойчивых к редукции флексий, – слились в один падеж – общий, родительный падеж оставался единственным оформленным падежом, обеспечивая дихотомию: общий – родительный. Однако его формант оставался омографом числового форманта до XVII в., когда был введен апостроф для письменного обозначения падежного форманта. Такое оформление притяжательного падежа сохраняется и по сей день. Способность форманта притяжательного падежа присоединяться не только к существительному, но и к последнему слову в его синтагме: *the blonde I had danced with's name (J. Salinger), everybody in town's father (Harper Lee)* [9] позволяет некоторым ученым утверждать, что этот формант вовсе не падежный, поскольку это не характерно для падежей флективных языков. Однако подобное явление обнаруживается в других языках мира, например в кетском. Являясь языком номинативного строя, кетский язык сохранил реликты как классного, так и активного строя [10], чем и вызывает постоянный интерес исследователей.

Все лингвисты, изучающие кетский язык, отмечают ряд особенностей, одна из которых – ярко выраженный агглютинативный характер падежных формантов. Ввиду того, что доминирующим способом образования падежных форм является присоединение к неизменяемой основе однозначных аффиксов, тесного фонетического взаимодействия между основой падежной формы и падежной морфемой не существует: все падежные морфемы могут быть отдалены от именной основы и употребляться дистантно или присоединяться к финитным формам глагола, например: *oks' λ:n dajte o:nan* «на дереве ветвей много» вместо *oks'dajte λ:n o:nan; buŋ oŋo:nden diŋal' ko:okn biminan* «с тех пор как они уехали, прошло девять дней». Подобные же особенности характерны для уральских языков (особенно самодийских) [11].

Родительный падеж в кетском языке занимает ключевое место в системе падежей. Особенность родительного падежа в кетском языке состоит в том, что он, наряду с основным падежом, является базой для образования ряда падежей (дательный, местно-личный, исходный и назначительный), которые представляют собой сочетание «показатель родительного падежа + послелог». Сам же родительный падеж образуется от основного падежа с помощью суффиксов *-da*, *-ta* – мужской род, *-di*, *-t* – женский род. Во множественном числе одушевленные существительные в родительном падеже принимают аффикс *-na*. В отличие от падежей, образованных от основного, падежи, образованные от родительного падежа, способны различать, с одной стороны, класс людей и класс вещей и, с другой стороны, мужской класс и женский класс.

Необычность строя кетского языка с точки зрения индоевропейской традиции заставляет ученых то и дело пересматривать вопрос о статусе падежной системы в кетском языке. Известны, например, работы М.Н. Валл [12], а также ее работы в соавторстве с И.А. Канакиным [13, 14], в которых кетская падежная система подверглась неоднократному пересмотру, а также работа Е.А. Крейновича, в которой он ставит под сомнение наличие лишительного и родительного падежа в кетском и югском языках [15] (более подробно данный вопрос был рассмотрен в нашей статье [16]). Мы считаем, что отрицание наличия родительного падежа поставило бы под сомнение существование всей группы падежей, образованных от родительного, а при последовательном анализе и всей кетской падежной системы, что противоречит как фактам самого кетского языка, так и типологическим данным.

В заключение отметим следующее. Категория родительного падежа в языках разных типов сложна и многообразна и вызывает различные подходы к ее анализу. Более полную картину дает сочетание типологического и диахронического подходов. Типологический подход к изучению родительного падежа помогает, путем сравнения языковых фактов, находить единственно верные решения, а диахронические данные делают картину более полной, отображая развитие интересующей нас категории во временном срезе. Изучая такое сложное грамматическое явление, как категория падежа в целом или каждый отдельно взятый падеж в каждом конкретном языке, считаем нецелесообразным ограничиваться «узкоформальным» подходом к понятию «форма», поскольку сама по себе форма представляется нам лишь верхушкой «айсберга», и, приняв ее в качестве «ориентира», т.е., оттолкнувшись от формы, необходимо двигаться в сторону глубинного смысла. Поэтому, принимая во внимание богатство и многообразие языков мира, под падежной формой следует понимать любое формальное проявление падежного значения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Володин А.П. Падеж: форма и значение или значение и форма? // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. – Ленинград: Наука, 1974. – С. 261-291.
2. Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. – М.: Academia, 2000.
3. Зеленецкий А.Л. Сравнительная типология основных европейских языков. Учебное пособие для студ. лингв. фак. высш. учебн. заведений. – М.: Издат. центр «Академия», 2004.
4. Скорвид С.С. Чешский язык // Языки мира. Славянские языки. – М.: Academia, 2005. – С. 234-274.
5. Дуличенко А.Д. Словенский язык // Языки мира. Славянские языки. – М.: Academia, 2005. – С. 198-233.
6. Суник О.П. Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. В сравнении с другими алтайскими языками. – Л.: Наука, 1982.
7. Терещенко Н.М. Склонение в самодийских языках Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. – Л.: Наука, 1974. – С. 33-50.
8. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. – М.: Высшая школа, 1981.
9. Плоткин В.Я. Строй английского языка. – М., 1989.

10. Поленова Г.Т. Происхождение грамматических категорий глагола: На материале енисейских языков. В авторской редакции. – Таганрог, 2002.
11. Вернер Г.К. Коттский язык. – Ростов-на-Дону, 1990.
12. Валл М.Н. Употребление падежей в кетском языке. АКД. 1970.
13. Валл М.Н., Канакин И.А. Морфологический статус падежных показателей в енисейских языках // Сб. тр. “Морфология имени в сибирских языках”. 1981. – С. 36-44.
14. Валл М.Н., Канакин И.А. Категории имени в кетском языке. – Новосибирск: Наука, 1985.
15. Крейнович Е.А. О грамматическом выражении именных классов в глаголе кетского языка // Кетский сборник. Лингвистика. – М.: Наука, 1968. – С.139-195.
16. Буренко Л.В. Наиболее спорные вопросы кетского склонения // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2010. – № 10 (111). – С. 12-18.

Статью рекомендовала к опубликованию д.ф.н., профессор Г.Т. Поленова.

Буренко Людмила Васильевна

Технологический институт федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» в г. Таганроге.

E-mail: lburenko@yandex.ru.

347928, г. Таганрог, пер. Некрасовский, 44.

Тел.: 88634371496.

Старший преподаватель.

Burenko Ludmilla Vasilievna

Taganrog Institute of Technology – Federal State-Owned Autonomy Educational Establishment of Higher Vocational Education “Southern Federal University”.

E-mail: lburenko@yandex.ru.

44, Nekrasovskiy, Taganrog, 347928, Russia.

Phone: +7 8634371496.

Senior Teacher.

УДК 81'0

О.Н. Иконникова

**ИСТОКИ КАЧЕСТВЕННЫХ И ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
(НА МАТЕРИАЛЕ АУСТРИЧЕСКИХ И НИГЕРОКОНГОЛЕЗСКИХ
ЯЗЫКОВ)**

Целью статьи является анализ прилагательных в синхронии аустроазиатских, австронезийских и нигероконголезских языков в свете диахронии данной части речи. Автор приходит к выводу о правомерности выдвинутой им гипотезы о том, что истоком качественных прилагательных является стативный глагол, который через предикативную функцию прошёл путь “предикативная функция → предикативно-атрибутивная функция → атрибутивная функция” и оформил качественное прилагательное. Истоком относительных прилагательных является имя существительное в атрибутивной функции.

Качественное прилагательное; относительное прилагательное; стативный глагол; существительное; аустроазиатские языки; австронезийские языки; нигероконголезские языки.

O.N. Ikonnikova

**THE SOURCES OF QUALITATIVE AND RELATIVE ADJECTIVES
(WITHIN THE FRAMEWORK OF AUSTRIC AND NIGERO-CONGOLESE
LANGUAGES)**

The aim of the article is the analysis of adjectives in synchrony of Austro-Asiatic, Austronesian and Nigero-Congolese languages in light of diachrony of this part of speech. The author concludes that her hypothesis has been justified: the source of qualitative adjectives is the stative